

Людмила Улицкая

Из дневников и записных книжек

Excerpts from Diaries and Notebooks

Коголето, 30 июня 2018

...Вот неделю я не вставая из-за компьютера составлю этот единый текст – дневники на сорок лет жизни. Сокращаю, и уже нахожусь в 1991 году. Поначалу я тексты монтировала, и в этом процессе как раз и есть смысл – видишь, что происходило и вообще – как происходит жизнь, какой грандиозное, космическое разворачивание происходит. И какое при этом растворение, потеря границы между собой и другими людьми, которых любишь, не любишь, страдаешь с ними и ими, и как эта “я” меняется и наполняется необъятным миром. В этом и есть нечто космическое – модель разворачивания. Господи Боже! Какое счастье, что и на это рассмотрение жизни, в таком ее аспекте, хватило времени. При моей последних лет усталости от жизни, истощенности и тайного вопроса “когда это кончится, мне немного надоело, я готова уже”, какое счастье, что дан этот кусок на монтаж. Совершенно раздвоенное существование – продолжаю спускаться с горы, плавать, писать письма, читать старое и даже новое, совершать глупости, тащить на себе ужасную сумку и вздор, и вторым, или первым планом, идет сдача дел, подготовка к уходу.

При том сейчас играет музыка, сначала Рихтер, потом немного Мацуев – меня потянуло в сторону Бетховена, и слушаю сонаты последнее время. И это еще одна сторона завершения процесса – понимаешь, что музыка вводит в открытый космос. Уши не важны – какой-то иной механизм восприятия открывается.

Просыпаюсь рано последнее время. Иногда даю себе приказ еще поспать, иногда встаю в пять, в половине шестого. Как сегодня. Как Андрей всегда. Вчера прислал рисунок из серии ящичной, утренний – часов в семь уже прислал.

Какая счастливейшая, избранническая жизнь. Или у всех так? Нет, это такой билет. И откуда сильная тяга жить на иррациональной

этой волне – в юности с доктором Штайнером, Господи прости, всей эзотерической мутью, потемками, и барахтаться в этом, и пытаться обучиться материи жизни, и воевать с религией, пытаюсь пробиться к первоисточнику, и Андрей, который стал стержнем жизни... Сорок с лишним лет такого непрерывного общения, счастья и страдания, и, что может, самое главное – постоянного взаимного обучения. И поразительно, как каждый из нас становится умнее и лучше от присутствия другого. Вот чудо моей жизни. И его. И оба мы это знаем.

Милан-Коголето, 4 июля 2018

Гибридный человек. Говорят о том, что в ближайшие десятилетия произойдет сращивание человека и машины, или его дивайса. Ученые пытаются спроектировать чипы, активизирующие память, создать своего рода hard disk. Еще 50 лет тому назад биологи полагали, что человек использует возможности мозга всего на несколько процентов. Сегодня вопрос уже так не стоит. Кто там будет считать проценты, когда есть возможность сделать расширение. Вот! Завтра!

Со мной произошло событие, которое показало, что будущее уже в прошлом, гибрид человека и машины уже существует, и лично я, человек мало продвинутый в комп. науках, оказалась вовлеченной в острый опыт.

Очарование этой истории с утерей компа состоит еще и в том, что я работала со своими дневниками более чем за сорок лет жизни, почти непрерывная запись событий личных, общественных, запись жизни, включающей и жизнеописания многих людей – от близких до случайно мелькнувших на горизонтах. У этого файла было рабочее название “Третья попытка” – первая версия непосредственной жизни, вторая – дневниковые записи, которые представляют собой отбор своего рода, и третья – эта самая попытка уже в третий раз пройти по этому пути. Дело в том, что я поражена духовным рационализмом, потому что с ранних лет убеждена, что жизнь, среди всего прочего, еще и школа, в которой каждый получает задачи и задания, и в этом обучении заложена мысль. Мы все ученики, учимся хорошо, плохо или отлично, но плохим приходится иногда несколько раз выполнять задания, пока не поймут смысл задачи. И вот, в тот самый момент, когда я влезла по уши в

эту работу, у меня украли комп, и первая мысль, конечно – вот катастрофа! Вторая – тише, никто не умер. (Тут пришло известие, что умер Влад. Ан. Успенский!)

Исчезли мысли записанные. И в конце концов, можно сделать и четвертую попытку, тем более что должна быть еще и флешка с расшифровками...

4 июля 2018

Какие новые ракурсы открыла кража компьютера, какие открытия – не крупные, но разнообразные. Первое – как деформируют психику воры. Я подсознательно, но очень упорно, совершенно не отдавая себе в этом отчета, сопротивляюсь возможности кражи. Я ее как будто отрицаю тем, что не запираю дверей, не закрываю молний на сумках, отрицаю возможность, чем провоцирую ее. И постоянно соблазняю людей. <...>. И мой не застегнутый чемодан с сияющей кромкой компьютера послужил соблазном для воришки. Моя доля вины...

Теперь о переживаниях после кражи. Обнаружилось, что я уже не отдельный заверченный человек, а в каком-то смысле гибрид человека с машиной. Кражу компа я переживаю как невозполнимую утрату части себя. Кажется, что-то можно будет вынуть “из облака” – привет, Вернадский – из той верхней пленки ноосферы, которая уже имеет свое особое название. Эти печальные соображения, которые делают меня противником того процесса, который можно назвать прогрессом: реализация страшных фантазмов, и к этому еще вернусь...

16.03.17

Я в Милане. Вчера был хороший день. Вечерняя прогулка по центру, кафе в районе Брера, а сейчас в музей Шурупа! Сын изобретателя шурупа, коллекционер, оставил городу свою коллекцию. Вечером Ла Скала, Вагнер. Три с половиной часа оперы.

В самолете написала стихотворение. Даже два.

1

Мы привыкли в этому виду сверху,
Выше полета птиц и блуждания облаков.

Взгляд из брюха железного ящика в форме гроба – вовне.
Он летит, а народ внутри ест из коробок, ходит в клозет,
Тайно выпивает, спит,
А силы небесные играют, свет рождается и умирает,
А они смотрят телевизор,
И только мальчик один, шестилетний,
Прильнул к иллюминатору и смотрит сверху вниз,
А я смотрю на него, и сразу два счастья испытываю:
Как прекрасен вид и как прекрасен мальчик...
И как мудр Творец, создавший человека таким смышленным,
Что он придумал самолет.
Да здравствует авиация!
Жаль только, что вид земли сверху
интересен только шестилетним...

2.

Заснула в автобусе из Бергамо в Милан
Скоротечным смертельным сном.
Проснулась – вдоль дороги цветет здешний миндаль
И нездешняя сакура.
А я-то где? Я здесь, а сознание было где-то далеко.
Вернись! – взмолилась я.
Оно вернулось.
Может, зря?

Завтра в Коголето. От мобильного телефона я стараюсь отказаться – свести его до минимума, чтоб не было в нем почты и других опций, необходимых для деловых людей. Постепенно вовлекаешься – под давлением окружающих – в мир, в котором тебя требуют к общению, ненужным разговорам и совершенно пустым сообщениям. Всякие размышления – смешные – про рифму – и важные – про сценарий. Вчера посмотрела концовку фильма *Касабланка*. Сегодня все должно быть грубее и определеннее, и с тем двойным зрением, которое дает изменившееся время. Пафос отменен.

Только что вернулась из музея, который не Шуруп, а на самом деле Втулка. Отец владельца всех этих картин изобрел втулку. Дико разбогател. Звали его Боски ди Стефано, и у него была жена скульпторша, которая, общаясь с великими художниками своего времени (XX век, лучшие итальянцы!), приобрела определенное каче-

ство. Дом построен знаменитым архитектором, это бывшая жилая квартира, в которой все на пределе художественных возможностей времени – мебель по заказам лучших художников, из лучших пород дерева, светильники, сделанные в Мурано по эскизам, причем они нисколько не напоминают мурановский ширпотреб, безумно элегантны. И там изумительные работы муссолиниевского периода, со всеми чертами времени, и сороковые-семидесятые. И в который раз: итальянцы – нация художников. Великая “линия итальяно” во всем, от половика под дверью до ручки в сортире. Работы по стенам – ковровая развеска, смотреть довольно трудно, потому что густо очень. Главные авторы, и мне известные, и неизвестные, что говорит не об их незначительности, а о моей необразованности: Фонтана, де Кирико, Моранди, Маруссиг, Сирони (великолепен! – его как раз не знала!), Кампилли. Отдельный стенд – из раскопок, тоже из их коллекции, и тут же скульптура современников – сравнимая.

Вот о чем подумала – подруга моя ведет уже несколько лет семинары – практика внимательности. Не знаю, чему она учит на них своих учеников-бизнесменов, но я знаю, что мои записки прожитого дня, они как раз о внимательности. Не упустить мимолетного впечатления, при записи оно укрепляется. Зачем это – другой вопрос. И ответить на него трудно. Есть какая-то потребность сохранить живое впечатление, потому что ветер дует, все развеивает.

И еще: сидела на балконе, курила. Вид изумительный, геометрический. Балкон дома выходит на острие ромба, который образуют улицы, и этот острый угол восхитителен. И я попыталась вспомнить все виды из окон, куда мои квартиры выходили. И многое вспомнила. Умела бы нарисовать – нарисовала бы. Первый вид из коммуналки – в слепую стену, о которую хлопали мячом, была такая игра, надо было перепрыгнуть через отскочивший мяч. У бабули Лены – дивные липы окружали весь второй этаж, а из окна столовой была видна комната (чуть ниже) второго этажа тети Шуры Засориной, портнихи, и пол, покрытый лоскутами. Дом напротив, барачного образца, а наш флигель принадлежал хозяевам огромного доходного дома рядом... И моя первая квартира на Аэропорте – прекрасная перспектива уходящей зрительно вверх дороги, а на самом деле никакого верха, все плоско, такой оптический эффект был, а теперь еще построили огромный дом, который по ночам как

световой занавес. И потом – ужасная квартира в том же доме на первом этаже – полквартиры на проезжую часть улицы, ужасно, шумно, мутные стекла, потому что мыть бессмысленно, на второй день темнели от пыли, а моя спальня – в садик, и там знакомые деревья, и клен, выросший за время знакомства во взрослую большую балясину. Там детей фотографировала в 2-5 и в 13-16 лет. Третья съемка, двадцать лет спустя, была уже в теперешнем дворе, и с внуками.... Фотографии сохранились. До того, после развода и размена – двухкомнатная с окнами на помойку, где был пир ворон, интересно было наблюдать, как они еду делили. И потом двухкомнатная, с Ириной Ильиничной Эренбург в соседях. Наконец, теперешняя, с видом во внутренний двор, с остатками старых деревьев с тех времен, когда этот участок земли был дачей предков Лены Гагариной. И вид с фасадной стороны – вниз, на деревья, где вороны по весне гнезда вьют, а я все начало лета вижу их семейные отношения и нежный уход за детьми – до того момента, как они обучают их летать, и в этом году перед отъездом увидела, что пара строит гнездо в новом месте, в новой развилке, а старая брошена. А завтра поеду в Коголето, где вид с террасы такой, что хочется всегда держать его перед глазами...

7.6. 2017

После многолетних разнообразных поисков, огромного чтения и разного рода блужданий, я полностью оторвалась от официальных форм религии. Во времена моей молодости, душное и плоское, надо сказать, время, у меня возникла потребность какой-то вертикальной координаты. У многих тогда возникло острое чувство двумерности жизни и ее недостаточности. Сегодня, полвека спустя, могу добавить, что совершенно безразлично, с какого места человек начинает поиск. Вертикаль, как оказалось, может быть воздвигнута из любой точки. Все, кто предпринимают это движение, обычно сходятся в одном: есть Высшая Сила, которую можно назвать каким угодно словом, и природа этой силы не вмещается в человеческое сознание. Но искать ее присутствия, ее проявления в мире – свойство самого сознания.

Первое мое поисковое движение – антропософия. Здесь наставником был Сергей Леонидович Северцев, фронтовик, переводчик, знаток поэзии, получивший антропософию “по короткой передаче”, не лично от доктора Штейнера, но от людей, с ним когда-то

общавшихся. Точнее – через Максимилиана Волошина, с которым был близок его отец, художник Леонид Фейнберг. Вообще семья была одареннейшая: жена отца, великая японская переводчица Вера Маркова, родной дядя – Самуил Фейнберг, профессор московской консерватории и изумительный пианист, почти совсем забытый. Сестра Сергея – Софья Прокофьева, единственная еще живая из этого поколения. Сын Сони и Олега Прокофьева Сергей (внук и тезка композитора), несколько лет тому назад умерший, был значительным лицом в современном антропософском движении, жил и умер в Германии, в Дорнахе, в гнезде, свитом еще доктором Штайнером в 20-х годах 20-го века. Это Гетеанум...

Сергей Северцев был человеком двойной жизни: с одной стороны, вполне официальным членом союза советских писателей, с другой, тайной стороны – антропософ. Антропософов преследовали в советские времена. Все “несоветское” считалось “антисоветским”. И мне, среди прочего самиздата, который я в те годы читала, достались от него и книги Штайнера. Переводы их были ужасными, я с трудом продиралась, но они вызывали огромный интерес. Не менее года я мужественно сражалась со сложными текстами, и в конце концов, как великая драгоценность и тайна, мне был предъявлен альбом с фотографиями первого Гетеанума, в строительстве которого принимали участие и Макс Волошин, и Андрей Белый.

Вот на это самом месте “брат Каин-эстетика убил брата Авеля-этику”. Это художественное воплощение штайнеровских идей произвело на меня столь отталкивающее впечатление, что антропософию я покинула навсегда. Кстати, это были фотографии первого, вскоре после постройки сгоревшего храма антропософов. Второй, построенный позже, наверное, не вызвал бы у меня такого протеста.

Сегодня, полвека спустя, в изменившемся до неузнаваемости мире, я вижу картину моих наивных и дерзких поисков иными глазами. Сочувственно... Взаимный интерес Востока и Запада приносит совершенно новые плоды, меняется структура сознания – рациональный Запад и мистический Восток вышли друг другу навстречу, наука и религия наощупь находят новое взаимодействие, и все это очень интересно. Истина, которую все пыталось выбить человечество, как искру, вся сконцентрировалась сегодня не на результате,

а в самом движении поиска. Так, по крайней мере, мне это кажется сегодня. Люди, в целом, стали менее догматичны, более открыты к знанию. Или это мне кажется?

Но прелесть всей моей богоискательской эпопеи заключалась в том, что я сначала прочитала *Пятое Евангелие* Штайнера, а уж после него Четвероевангелие. И плавно перешла к продолжению своих поисков на христианской почве. Надо сказать, что антропософия никогда не конфликтовала с христианством. Это христиане ее проклинали и считали опасной ересью. Те антропософы, о ком я упоминаю, крестились в свой час жизни. Во всяком случае, сам патриарх, Леонид Евгеньевич, был крещен отцом Александром Менем в начале шестидесятых, кажется.

Отец Александр Мень был на расстоянии вытянутой руки. Умный, одаренный, талантливый, если не гениальный, излучающий яркий свет... И огромного человеческого обаяния. Несколько таких “излучателей” мне в жизни были показаны. И как же я благодарна судьбе, которая показала мне таких исключительных, великих и прекрасных людей.

Крестил меня отец Николай Эшлиман, выходец из Швейцарии – музыкант, художник, ставший священником. Не очень долго он просвеществовал, к этому времени его, вместе со священником Глебом Якуниным, за церковное диссидентство вывели за штат. О. Ал-р послал меня к Николаю домой, в Химки. Видимо, чтобы тот чувствовал, что его служение не прервалось. Других причин не вижу, и никогда этого не обсуждала с О. Александром.

Эшлиман жил в старой даче, рядом еще несколько домов таких же, как он, особых людей времени – Лина Прокофьева, первая жена композитора Прокофьева, которую в те годы все еще не выпускали на родину, семья художников Жилинских, Нина и Дмитрий... Такой загадочный остров посреди колхозных полей, и старая белая лошадь, бывшая колхозная, предназначенная на убой, была Эшлиманами выкуплена и бродила по участку. Не будет другого случая об этом вспомнить...

Я приехала туда с будущими крестными – Олей Никитиной и Павлом Менем, младшим братом о. Александра.

Николай Эшлиман был хмурым и строгим. Прежде – беседа. Веруешь ли во Христа? – спросил он меня строго. Я ответила со всей честностью: я хочу верить... Тогда он мне сказал – вот когда ты сможешь сказать “да”, я тебя крещу...

И мы пошли пить чай. Из самовара. А когда чаепитие закончилось, он сказал: идем, я тебя крещу. И крестил меня в каком-то сарайчике, который стоял возле дома.

Это был год 68-й, кажется. Или 69-й?

Церковь оказалась для меня очень трудным местом. Мое большое христианское чтение почему-то скорее мешало, чем помогало. Но очень скоро круг новых для меня людей-христиан стал расширяться, именно это и было настоящим открытием христианства. Оно не Евангелие, не сборник догм, оно только живые люди, его носители. Они были, есть, только их очень мало. Это изюм в булке. Но булку, пожалуй, можно уже и выбросить. Тогда я подружилась с Еленой Яковлевной Ведерниковой, реэмигранткой. О ней и небольшом круге вернувшихся из Франции после войны русских христиан я уже не напишу романа, а какая же это потрясающая тема!

Елена Яковлевна познакомила меня со священником из Франции, “возвращенцем” О. Андреем Сергиенко. Он жил, после долгих странствий по России и умеренных гонений – спасибо, не посадили! – в Александрове, за 101-м километром. Профессорствовал в Лавре и служил литургию в проходной комнате в своей домово́й церкви. Участвовали в ней от силы десятков человек. Хор – Тася, тоже перемещенное лицо, но из Голландии, регентовала, а остальные подтягивали в меру возможностей. Так что, могу сказать, что я пела в церковном хоре в катакомбной церкви.

Это была община, сходная по духу с первохристианскими, как я их понимаю. Жизнь того времени – ненаписанные романы несуществующих авторов. Кажется, один только Володя Кормер дерзнул дать портрет этого времени, этой среды в романе *Наследство*. Наверное, это хороший роман, но (теперь знаю по себе) портретирование живых людей, превращение их в литературные персонажи – путь ужасно опасный. Должно пройти много времени, чтобы ушло это “двоение”. Мы же не знаем имени той девочки, с которой

писана Наташа Ростова. А если знаем, то расстояние во времени уже никого не сможет ранить... Словом, мои претензии к роману Кормера лежат именно в этой области. Был еще один роман все про то же, даже герои просматриваются одни и те же – Феликса Светова. Не смею высказывать суждения, потому что Феликса очень любила, по сей день дружу с его дочерью и внуками. Феликс и его жена Зоя Крахмальникова заплатили свою цену за смелость высказывания – оба были репрессированы. Вот сейчас, когда я это пишу, у меня возникло острое чувство тоски по этим дорогим покойникам – разной степени одаренности, разной степени человеческой привлекательности, но таким родным, таким любимым...

После смерти отца Андрея, когда закончилось существование нашей вполне “подпольной” общины, я стала бывать в Пушкино, у отца Александра Меня, потом был рукоположен в священники наш любимый друг Саша Борисов, и я много лет ходила к нему. Рядом с ним, в начале его служения, сосуществовали каким-то образом и пятидесятники. Я и туда заглянула. Молились они так, что сносило крышу. Никогда – ни до, ни после – я не видела такой мощной молитвы. Это действительно каждый раз совершалась Пятидесятница, и языками неведомыми говорили... Огненных языков я не видела скорее всего из-за слабого зрения. Но слышала их “глассолалию” – один стоящий позади меня простоватый человек заговорил на латыни... Словом, было это очень волнующе и захватывающе.

В русской православной церкви, которая РПЦ, по сути своей вполне антисемитской, положение еврея не простое. Есть один незыблемый закон: или ты христианин, или ты антисемит. В одном человеке это не может совмещаться. Никак и никогда. Это была одна из проблем отца Александра Меня, его присутствия в РПЦ. И смерть его, не расследованная как-то уж особенно нарочито, несомненно, на совести наемных убийц. Но наш дорогой друг, отец Алик, вошел, в чем я уверена, в сообщество святых – его мученическая кончина пришлась на день усекновения главы Иоанна Предтечи.

Многое, многое в христианстве как в религиозной концепции перестало удовлетворять. Давно прошло время, когда мне казалось, что ключом христианства открываются все замки. Не все. Далеко не все. Но универсального ключа, кажется, и нет на этом свете. Я

не могу расстаться с христианством, потому что хочу быть около этих людей, моих дорогих ушедших христиан – Андрея Александровича Сергиенко, Елены Яковлевны Ведерниковой, Александра Меня... Образ стола, за которым сидят двенадцать, и еще двенадцать тысяч или двенадцать миллионов, не знаю сколько, остается моим любимым. Там, на некоторых картинах, изображающих “Тайную вечерю”, иногда под столом изображают собачку, которая подхватывает упавшее со стола. Я всегда улыбаюсь и говорю – вот мое место.

Но это я говорю сегодня, когда и сама вошла в старость, приблизилась в каком-то смысле к тем, кто ушел раньше. С ними вместе я стояла на литургии, а с годами мне стало все труднее приходиться к этому столу. И движение мое из христианства началось, наверное, после смерти отца Александра.

В его проповеди не было запланировано возвращение от христианства к иудаизму, ни в коей мере. Но он показал, до какой степени эти два религиозные течения связаны, как христианство вытекает из иудаизма, сколько оттуда взяло и чем отличается... Но, между прочим, у меня на полке всегда хранилась сильно потрепанная Тора моего прадеда. И до сих пор лежит. И я помню, как он, завернувшись в талес, молился, а я, маленькая, из-под стола хватала его за края молитвенного покрывала...

Никакого вхождения в иудаизм у меня не произошло, но произошла книга *Даниэль Штайн, переводчик*. Она же и отразила мой личный кризис. Я больше не ищу, куда бы мне преклонить голову. Рухнуло мировоззрение, и этот кризис, это крушение, дали мне огромную степень свободы. Благодарна брату Даниэлю Руфайзену. Пока работала над книгой, извлекла простое и очень важное, в сущности, давно известное, но дошло наконец до глубины сознания: совершенно не важно, во что и как ты веруешь, важно только то, как ты живешь, какие поступки совершаешь, и какие – не совершаешь.

Сейчас я смотрю даже с некоторым восхищением на себя молодую – сколько же я всего перечитала! И отцов церкви, и эзотерическую литературу разных сортов, и религиозно-философские книги, и библиистику. Словом, все, что по-русски можно было прочитать.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: рядом со мной мой муж Андрей, который лет десять как смотрит в сторону Востока. Его склонение в сторону буддизма, дзен-буддизма, тоже оказалось для меня важным. И это опять-таки – не о вере, а о способе жизни.

Христианство придает огромное значение молитве. Об этом я много читала, наиболее важное, наверное, у Антония Блюма. Его *Школа молитвы*. Практика эта мне несколько знакома. Настал, однако, момент, когда молитвенные тексты превратились в автоматические формулы, и они меня почти оставили. Но не оставило меня состояние радости, соединенной с благодарностью – и оно редко покидает меня последние годы. Это чувство счастья бытия, которого я совершенно не знала в молодости, пришло к старости. С улыбкой я перечитываю сегодня свои тексты, написанные сорок лет тому назад, улыбаюсь, глядя на списки книг, которые я прочитала в поиске веры. Оказалось, что всего этого, может, и не надо было с таким трудом “прорабатывать”. Но не поручусь, что глубокое чувство благодарности, в котором я живу последние годы, не возникло бы, если бы не та “муштра христианства”, через которую я проходила столько лет.

Благодарность моя ко всем тем, в чьем кругу прошла моя молодость, взрослость и старость, к тем, кто сейчас рядом, к детям и внукам, к хорошей погоде и к дождю, к двум оливам и лимону, которые у меня сейчас перед глазами, к линии горизонта и дивному узору из перекрещивающихся молочных полос, оставляющих след в ясном итальянском небе.

22 февраля 2018

Вчера был самый лучший день рождения в моей жизни. Я помню один из самых ранних, видимо, мне исполнилось восемь лет, год 51-й, вероятно. Точно! Мы жили в коммуналке на Каляевской, и ко мне пришли в гости мальчишки: Саша Хелемский и его одноклассники Володя Быковский, сын вдовы какого-то военачальника Веры Георгиевны, из начальственного дома на ул. Горького, и, кажется, Игорь Рыбак, сын расстрелянного НКВДшника Бериевского круга, который потом обратился в иудаизм и возмущался Даниэлем Штайном. И мы как-то мое семи- или восьмилетие праздновали, не помню деталей, надо у Хелемского спросить, он все помнит. А

когда праздник закончился, решено было пойти погулять во двор, и моя мама – ПРИ ВСЕХ! – задрала мне юбку, спросила, теплые ли на мне штаны и велела надеть рейтузы. Это был страшный позор. Один из самых больших позоров в жизни... Все увидели мои синие трико. Кажется, с тех пор некоторые оттенки синего и голубого и по сей день кажутся непристойными...

Решено было собрать гостей в кафе МАРТ, в здании музея современного искусства Церетели, где во дворе стоят огромные устрашающие скульптуры Церетели старшего, а руководит музеем сын или внук его Василий. В какой-то плотный узел все завязано, вчера литейщики Церетели сдали Андрею три отливки его лучшей скульптуры последнего времени, *Инвалида*, для завтрашней выставки. А литейщики у Церетели самые в Москве лучшие, и вообще из Грузии ребята...

Сначала было туговато, медленно собирались, а потом все оживилось и покатило очень весело и содержательно. Я читала стихи (*Подруги* и еще одно) с большим успехом, говорила-говорила всякие слова, потом говорили и другие, дело конечно не в программе, а в той необычайно сладостной атмосфере всеобщей взаимной любви. И это все чувствовали, и все говорили, что это был необычайно теплый и веселый праздник.

Осталось огромное количество еды, которую сложили в коробки и отправили в хоспис к Нюте. Еда была, говорят, вкусная, но я только хачапури попробовала. Я была совершенно счастлива. Утром открыла холодильник – там пустота. Думаю, вот дура, одну-то коробочку могла бы и домой привезти!

Весь день отвечала на поздравления. Поехала на круглый стол к Фанайловой по поводу детских сочинений. Надо послушать эфир, как это звучало.

Да, еще множество, бессчетное множество подарков... книг на целый книжный шкаф. Алшыбая подарил журнал *Полярная звезда* за 1825 год! Крохотная книжечка в четверть. Первая публикация *Цыган* Пушкина. Драгоценный подарок! И драгоценное наследство.

А сейчас позвонила Ксения Собчак и доложила, что Собянин дал разрешение на установку памятной доски на доме Немцова. Это можно было бы назвать победой, если бы не было все так стыдно.

12 мая 2017

Прошла первая неделя в Коголето. Дописала пьесу, вчера отправила. Теперь жду отзвука.

Таня встретила меня целой грудой подарков – даже гравюра Рембранта, привезенная ими из Амстердама и на месте свежееотпечатанная. Я в том домике тоже была когда-то. На следующий день приехала В. и засыпала меня подарками. Два дня подряд – от Тани и от В. – как из рога изобилия. Это дико трогательно – красивые камешки, восточные сладости, индийский шарфик со слонами. За этими подарками стоит овеществленная душевная щедрость, они лишь свидетельство чего-то большего.

Присутствие ее довольно трудно – при всей моей глубочайшей симпатии, интересе и даже нежности. Очень интенсивно. Я устала. А у нее силы фантастические, она не выключается...

Вот что мне пришло в голову. Это род юродства. Прекрасного юродства, которое я изучала, когда писала *Семеро святых*. Это полное нежелание и неспособность выполнять общепринятые правила, даже незамечание их, жизнь по собственному канону, нацеленность на выполнение свыше поставленной задачи и собственной миссии. В. и мне сказала, что я выполняю миссию. Совестно это слышать. Хотя я давным-давно знаю, что у каждого человека есть задание (я и слова поскромнее выбираю), и он его выполняет вне зависимости от того, понимает он это сам или не понимает. Но когда понимает, то дело идет лучше – осознанно. Тогда и я готова считать, что я “служащий”. Хотя мне так хотелось в последние годы ощутить именно свободу, а не подчиненность идее, даже самой распрекрасной. А В. не стесняется...

Есть несколько ее установок и рекомендаций, которые стоило бы принять. Главное – о любви к себе. Во мне так глубоко въелось ощущение, что, во-первых, нечего себя любить, это эгоизм и вредное качество, во-вторых – я действительно себе не нравлюсь, с детства не нравилась. Речь на самом деле идет о принятии себя, внут-

ренной бесконфликтности – на эзотерическом уровне это скорее благодарная любовь к своему организму. Откуда следует и любовь к своему желудку, печени и прочим органам. В глубине – благодарность Творцу за мудрость нашего устройства, но и персональные отношения тебя и твоей печени и проч. Это та система, в которой сейчас живет Андрей и от которой я отталкиваюсь. (Но я-то восторг перед мудростью мироустройства ощутила очень рано, при первом взгляде в микроскоп. А потом увидела, что и весь мир фантастически мудро и прекрасно устроен).

Ломать я себя не буду, но постараюсь это усвоить хотя бы на теоретическом уровне. Есть одно качество иудейско-христианской культуры, которое порождает тяжелые последствия: чувство вины.

17 июля 2017

...Безобразная московская и российская жизнь все же притягивает, если долго отсутствуешь. Прошла нелепая история с Серебренниковым, масса каких-то несуразных политических событий, и с большого расстояния они кажутся еще более нелепыми, чем на месте. Мои дела полностью остановились – пишу плохие и важные для меня стихи. Это строго говоря, не стихи никакие, но такая концентрированная форма высказывания, слегка скрепленная слогами, буквочками, полурифмами, которая заставляет выражаться экономно и плотно. Забросила юбилейную пьесу, потому что нарвалась на собственную недодуманность общего сюжета. Так зачем героиня актриса? По ошибке? Разочарована? Тогда вся жизнь коту под хвост, а это никому не нужно, и мне в первую очередь... И не пишу доклад, который так ловко задумала – от крепостных художников до обериутов... Вся моя работа последнего времени каким-то печальным образом связана с вырезанием картонных карточек как единственной формы деятельности. Вспоминаю прадеда Гинзбурга и покойного Н.П., который каждое утро открывал ящики письменного стола и перекладывал бумажки. Лет до 95!

26 апр. 17

...Прилетели в М-ву с аэродрома Орли, во Внуково. По дороге я написала выступление для конкурса. Не зря я перед отъездом старательно убираю дом, вошла – и чувство счастья. Я, как выяснилось, вовсе не забыла свои противоаллергические мази, они лежали у меня в другом кошельке, и приехала я, вся осыпанная паршой.

Начала сразу мазать руки, но нужна как минимум неделя, чтобы привести все в порядок.

Утром сегодня пошла на конкурс. Меня встретили мальчики мемориальские, чтобы меня защитить от НОТовцев. Среди мальчиков милый Алеша мемориальский, Лева Рубинштейн, Дима-педагог из Мумми-троля, забыла фамилию, словом, чудесная компания. Но никто на мою честь не покушался, НОТовцы стояли в отдалении, что-то выкрикивали, но я и не расслышала, и имели вполне жалкий вид. Школьники прекрасные, трогательные, девочек вдвое больше, чем мальчиков, одеты все нарядно, с большим старанием. До слез. Очень хорошие работы. Я прочитала десятка полтора из 2 тысяч. Готова там сидеть в жюри до смерти, если будут звать. Рядом с этими людьми и детьми постоять – высокая честь. Ира Щербакова – герой настоящий. Самый трогательный момент, как дети, написавшие сочинение про поезд, идущий в Ленинград, спели деревенскую частушку с такой подлинностью интонации и с такой музыкальностью, что я чуть не заплакала...

28 июля 2017

Московская жизнь, в которой за день проходит целая картина, практически от рождения до смерти. Сегодня годовщина смерти Димы Шаховского. Пролетел год. Год назад я летела срочно на похороны, которые задержались дня на два. Похоронили в полном соответствии с присказкой Димки: опоздать никуда нельзя...

Мы с Андреем выехали тем не менее заранее в Бутово, где назначена была панихида. Долго не могли встретиться с Колей Наседкиным, который что-то перепутал со стороной света, номером автобуса или выходом. Взяли такси и доехали до Бутова. Церковь была открыта, но никакой службы в ней не собирались служить, потому что о. Коледа уехал на Соловки. Служба шла в церкви рядом, не Димкой построенной, а прежде, по архитектуре судя – русский модерн, вроде той, что в Сокольниках. Все это – территория бывшего полигона, где расстреляли больше 20 тыс. человек за несколько дней в 37 году. Димка долго искал место, где был расстрелян его отец, священник Михаил Шик, пока наконец не нашел эти документы в ГБ. История каноническая – арестовали отца в 37-м, дали десять лет без права переписки и расстреляли уже на следующий день. Как выяснилось много лет спустя. По прошествии де-

сяти лет, когда уже было более или менее ясно, что его никогда уже не увидят, стали искать его следы. Только в 94-м (проверить!) выяснили, что место расстрела – полигон Бутово под Москвой. Тогда же и поставил Шаховской первый памятный крест.

Я помню день, когда этот крест освящали. Сейчас там расстрельные рвы приподняты, ухожены, такие длинные общие могилы, построен, еще не вполне, достойный мемориал, с табличками, именами расстрелянных по дням, ухоженные поляны, яблоневый старый сад вычищенный и благообразный, а тогда там была мерзость запустения: ямы, буераки, мусор, и стояла небольшая толпа людей, состоящая из местных жителей, дачников из поселка НКВД, потомков тех, кто расстреливал. И когда мы, приехавшие из города, шли среди них, пошел шепоток: жертвы, жертвы приехали... Не помню, кто служил тогда службу – патриарх Кирилл, кажется. Или предыдущий... А, может, митрополит Филарет? Ваня Шаховской наверняка помнит. Но тогда эти золоторизцы выглядели не оскорбительно, как сейчас, а очень уместно: отпевали своих коллег, там больше тысячи священников было расстреляно, вместе с отцом Михаилом Шиком.

Князь наш полу-еврей, ему не очень это нравилось. Еврейства никакого он в себе не чувствовал, скорее, отталкивался, хотя в окружении было много, и близких друзей тоже... Дети отца Михаила после ареста и после смерти Диминой матери поделились на старших – Шиков, и младших, которых усыновила тетка по матери, тоже, естественно, княжна, и младшие взяли фамилию матери. Пятеро всего их было, Дима среди младших. Сейчас умерли все дети о. Михаила, кроме старшего Сергея, который был на Карадаге начальником биостанции, что-то в этом роде... Ему уже за 90.

Спустя несколько лет после установки креста Дима построил на полигоне деревянную церковь – Новомучеников Российских. Нарисовал сам, сруб привезли откуда-то с севера.

И строили ее плотники из Карелии. Но и сам Дима, и Володя Кузнецов руками там поработали. Топором. Церковь маленькая, Володька Кузнецов там деревянный купол делал по северному образцу, и пол настилал. Теперь Володя постарел, съежился, совсем маленький сделался, но все такой же ершистый. Димку очень любил.

Все Димку любили. Самые разные люди. Кто не любил, тот уважал, но вообще-то он был среди своего круга патриархом, советчиком и безусловным моральным авторитетом. Бриллиант такой огранки, что каждый находил в нем такую грань, с которой мог совпасть. И мастеровой, и интеллигент, и аристократ, и крестьянин. Впрочем, к интеллигентам Димочка относится настороженно. Его христианство было домашнее, совершенно ненатужное, как у всех нас, но-вообращенных 60-х годов.

Собрались около деревянного храма человек двадцать, в ожидании панихиды. Но все, кто был, за самым малым исключением мне незнакомых людей – давние любимые друзья. Все постаревшие, все попрекрасневшие от старости.

На службу в большой храм мы не пошли, стали ожидать литии в деревянном. Отслужили наскоро. Потом наскоро чьи-то крестины, а потом была панихида по полному чину возле Димкиного креста, на поляне.

Стояло нас у креста человек 25-30, поляну эту окружали старые деревья, свидетели массового убийства. Зелень такая густая и свежая. Это лето в Москве холодное и дождливое, а вчерашний день был чуть ли не первым жарким за последние месяцы. В Италии все давно сторело и пожухло. Глаз в Италии по зеленому тоскует.

Служба знакомая, до печенок, и в такие минуты я чувствую, что христианство меня не отпускает. Часть души там. Может, лучшая. Да, в конце концов, не все ли равно, как меня назовут в некрологе. Я же выбрала быть никем, той собакой, что под столом, в ногах учеников крошки подъедает... Это мой любимый мотив последних лет. Но в этот день, в этот час иной мир был едва ли не реальнее здешней зелени. Висело над нами облако, в котором и тени расстрелянных здесь, и Димочка, и строители храма, и даже мы, преобразенные, и все, что нами было нарисовано, написано, пережито... Все наши любви и терзания, приобретшие смысла в посмертии... Но слов для описания этого ощущения нет в нашем бедном языке.

Закончилась служба, поехали в Новогиреево. Дом Фаворского. “Красный дом”. Вокруг была военная часть, до сих пор, кажется,

еще существующая, деревянные домики. Деревня. Потом стал трамвай из Москвы ходить. Сейчас – десятиэтажки, метро близко. Когда-то в этом трехэтажном доме были мастерские четырех художников – Фаворского, Ефимова, Голицына и еще кого-то, кого даже Андрей не застал. Четыре мастерских, четыре квартиры. Двор, каких теперь нет. Сохранился... Сад с настоящими яблонями, которые в этом году отдыхают. Сарай. Мастерские. В одной Андрей чуть голову себе не сломал, летя с приставной лестницы вниз головой с пятиметровой высоты. Благовещенский его поймал. Собаки, которые сменились на моей памяти раз пять. Сейчас милейшая коричневая толсто-плюшевая полу-породистая тварь и всегдашняя волчатого цвета дворняга. Кошки. На этот раз вышла роскошная черная, других видно не было. Дети были только взрослые, и то немного. Младшие в деревне. Фаворский был женат на художнице из семьи Девиз. Там в анамнезе и Серов, и нобелеат Львов, и много всяких звучных фамилий... Под конец застолья приехала семья Машиного двоюродного брата архитектора Гр. Девиза. Красивые породистые люди. Внуки постепенно теряют эту высокую породу.

Димка в этом доме примак. Вошел, женившись, и никто не представлял себе, что станет когда-нибудь патриархом этого дома.

Во дворе накрыт стол. Вдоль стены дома. Людей на этот раз меньше, чем ожидалось. Некоторая кухонная суета, бабы режут овощи, хлеб, для окрошки огурцы, картошку, колбасу. Деревенская еда, столь любимая и привычная в этом доме. Это следы того опрощения, которое ввел, кажется, интеллигент Шик, когда из евреев стал православным священником с приходом в Малоярославце. Даже несколько подчеркнутая простота.

Дима, Димка – хотя прозвище его было Князь, не хотел быть ни князем, ни евреем. Особенно евреем. Отсюда и любовь к топору, которым они с Андреем орудовали мастерски, умение и бревно обтесать, и дом сложить, и забор починить. И костер разложить, и печь сложить, и многое такое привлекательное для девочки, у которой дома крахмальная скатерть и столовый прибор, как положено. А у них – такой вызывающий, привлекательный минимализм – хлеб на деревянной доске, лук на четыре части разрезанный, бутылка вечной водки... Я-то и сама этому очарованию мастерового

очень подвластна. Здесь еще неизвестно, кто в этом качестве был посильнее – Андрей или Димка. Но они никогда в жизни не соревновались. Бабы липли, думаю, к обоим, но Димка лучше отбивался. Все время внедряются воспоминания, которые не отогнать. Вот они трое – Димка, Андрей и Володя Кормер появляются в каком-нибудь дружеском художническом доме – пьяные красавцы-супермены – и все бабы умирают от счастья, от веселья, от возбуждения. Остальные мужики могут спокойно уходить – все шестерки по сравнению с этими валетами. Кормер умер до пятидесяти, Дима год назад, остался один Андрей, в котором уже почти невозможно увидеть того роскошного пьяницу и гуляку. Да его уже и нет, давно переработалась вся эта яркая энергия в дело.

За столом Ленка Мунц – может, самая близкая Димке подруга, ученица. Талант у нее не меньше Димкиного. Димка под конец жизни совершенно расстался и с творческими амбициями, и со своей ролью патриарха. Мы были на последнем его дне рождения – он был безразличен и с трудом возвращался к гостям из дальней дали... Ваня тихо вызревал в его тени, а когда Дима стал туманиться, оказалось, что уже стоит Ванька, который стал таким же джигитом, каким был когда-то Димка. И в застолье Ваня открыл тетрадочку и прочитал рассказ Димы о поездке в 79 году в Таджикистан, где он пытался найти следы пребывания своего отца, сосланного в эту тьмутаракань году в 26-27-м. Мать Димкина приезжала к отцу, там его и зачали. Рассказ беллетризированный, не от первого лица. Замечательный – простой и прекрасно сделанный. Так прекрасно, что сделанность не замечаешь. Дороги азиатские, пыль, запахи, сумерки, старики непостижимые... Ваня его только что прислал Андрею.

© Ludmila Ulitskaya, all rights reserved. Published by arrangement with ELKOST International literary agency, Barcelona, Spain.